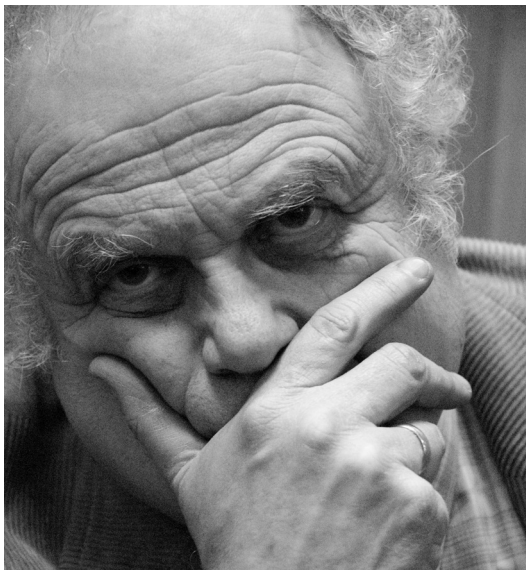

Приветствия и подношения

К юбилею Григория Ефимовича Крейдлина

Г.Е. Крейдлин

М. А. Кронгауз

О структуральнейшем из лингвистов

В статье рассказывается о профессиональном пути известного лингвиста, принадлежащего к структурному направлению, Григория Ефимовича Крейдлина. Автор описывает участие Крейдлина в ряде лингвистических конференций, а также совместную работу над учебным пособием для детей по семиотике. Автор делится впечатлениями о профессиональных и человеческих качествах Г. Е. Крейдлина.

Ключевые слова: Григорий Ефимович Крейдлин, структурная лингвистика, лингвистические конференции, РГГУ, учебник по семиотике.

Григорию Ефимовичу Крейдлину 22 мая этого года исполняется 70 лет, и я его с этим поздравляю.

Все это является совершенно невероятным фактом в моей картине мира, что означает одно – она устарела.

Я всю свою жизнь отношусь к Грише как к старшему коллеге по нашей интеллектуальной академической деятельности, тем сложнее мне сформулировать простое и неакадемическое впечатление от юбиляра. Он всегда был прежде всего ребенком, чуть избалованным общей любовью, чуть недооцененным, потому что слишком свой, чуть испуганным, но по-детски открыто преодолевающим огромное количество проблем и бед, выпадающих на его пути. Конечно, слово «всегда» здесь условно, я познакомился с Гришей, когда ему было уже за сорок, но довольно естественно спроецировать эти ребяческие, детские черты и на более юные годы.

С начала 90-х мы вместе оказались в одном из страннейших и чудесных мест того времени – в РГГУ. Я знал, что у Гриши за спиной долгая работа в ВИНИТИ вместе с Еленой Викторовной Падучевой и Катей Рахилиной, моей однокурсницей, ставшей его постоянным соавтором. И еще не просто незаслуженное, но оскорбительное, очень советское и оттого болезненное увольнение из ВИНИТИ. Но в РГГУ все начиналось заново и ощущалось по-другому; это, собственно, и была перестройка и те самые «лихие» девяностые. Для нас их лихость заключалась в полном интеллектуальном раскрепощении и абсолютно новых возможностях публикаций, поездок, курсов и бесконечном общении.

В мемуарных заметках, даже таких коротких, не положено избегать анекдотов и баек о юбиляре. И я их не избегаю, предупредив, что анекдотами и байками они все-таки стали именно теперь, а тогда воспринимались иначе.

Мы с Гришей много путешествовали вместе по конференциям. Одно из этих путешествий – в середине девяностых в Польшу, в небольшой городок Ополе, где, впрочем, была сосредоточена мощная славистическая школа. На Белорусском вокзале мы каким-то чудом покупаем билет и отправляемся в путь в поезде, набитом торговыми людьми, тогда называвшимися челноками. У соседей огромные баулы, стандартные клетчатые сумки. Все купе открыты, все перешучиваются, и под шумок прячут в тайные места излишки товаров, в основном, блоки сигарет. Нам нечего прятать, у нас с собой по рюкзаку, и это подозрительно. При пересечении границы таможенники начинаю приставать к Грише, захватившему, как положено, какое-то количество рублей. У меня денег совсем нет (во всех смыслах), и я их не интересую. Гришу хотят снять с поезда, но тут находится фантастическое решение. Где-то там на почте можно оставить рубли и получить их при возвращении. Правда, шансов успеть добежать до почты немного. Таможенная проверка закончится, когда закончится. То есть как только таможенникам надоест шмонать (а иначе это никак и не назовешь) сотни челноков и двух научных работников,

поезд тронется. Гриша рискует и бежит через пути куда-то на неведомую пограничную почту, а я остаюсь в недоумении, зачем и куда я еду. Минут через двадцать Гриша, тяжело дыша, возвращается, и поезд почти сразу трогается. Стоит добавить, что поездка оказалось столь замечательной, что я помню ее и по сей день.

В другой раз научная нужда занесла нас с Гришей в Ломоносов (более известный как Ораниенбаум), где проходила международная конференция по генезису языка. Ее устроила какая-то ассоциация с соответствующим названием, членами которой были сплошь американцы. Они проводили свои ежегодные конференции в разных экзотических местах, смотрели мир и наслаждались жизнью. Ораниенбаум был для них как раз таким экзотическим местом (но не для нас). Американцы были абсолютно самодостаточны, веселы и необычайно громки. Они не нуждались ни в чем и ни в ком. По коридорам молча и мрачно бродил главный петербургский организатор, Вадим Борисович Касевич, а мы с Гришей играли в бильярд, собственно, я делал это в первый раз в жизни, и хотя не получал большого удовольствия, но уже готов был смириться с таким времяпрепровождением, точнее времяубиванием. Но не таков Григорий Ефимович!

Во время одной из прогулок по Ораниенбауму, тогда мрачноватому и, как говорят о квартирах, слегка убитому городку, мы обнаружили в киоске странный алкогольный напиток под привлекательным названием. Здесь память дает сбой, но все-таки это была «Крейдлинка». Возможно, «Кредлинка» или «Крейлинка», но какое это сейчас имеет значение? В общем, Гриша приобрел две «Крейдлинки», вернулся в гостиницу, сел в главном и пустынном холле и поставил бутылки на стол. Он умел приманивать американских ученых. Сначала один, пробегая мимо, остановился и заинтересованно присел рядом. Потом еще несколько. Когда количество ученых превысило критическую массу, Гриша заговорил. Он объяснил, что этот напиток выпускается в честь него, простого русского лингвиста, и невозможно, недопустимо побывать в России и не попробовать его. Ни попробовать, ни – тем более – пить «Крейдлинку» было невозможно и в каком-то смысле недопустимо, но американцы хотели экзотики, и они ее получили. Две бутылки «Крейдлинки» улетели быстрее шампанского в Новый год. Контакт был установлен, жизнь наладилась, а Гриша стал своим в среде специалистов по происхождению языка.

Гриша, пожалуй, главный соавтор в среде московских ученых. Сколько молодых лингвистов почувствовали свою уверенность благодаря первой своей работе, написанной в соавторстве с Крейдлиным! Но Гриша писал в соавторстве и со старшими, и с ровесниками, но

только не со мной. Точнее, Гриша не раз предлагал что-нибудь написать вместе, но у меня всегда был какой-то несоавторский характер, и ничего не получалось. Пока мы не взялись за совместное написание учебника для детей по семиотике. Надо признаться, что поначалу мне было очень трудно. Гриша назначал встречи чуть ли не через день, приходил всегда вовремя (это очень важное его свойство), и надо было что-то писать. А мне почему-то требовалось вдохновение, настроение, одиночество, чтобы подумать, и прочая романтическая чушь. Я начал уваливать от встреч, переносить их, объясняя занятостью. В общем, учебник оказался под угрозой. Однако, как всегда в Гришиных историях, все заканчивается хорошо. Я упал с антресолей и сломал ногу. Подо мной поехала огромная и тяжелая лестница, она рухнула на пол, я свалился сверху и не мог пошевелиться. Потом пролежал еще месяц или чуть больше. За этот месяц учебник был благополучно завершен. Мне некуда было деваться, и Гриша навещал меня каждый день. Ну, как навещал? Приходил работать.

Трагизм и комизм довольно часто сочетаются в наших жизнях, но Гриша и здесь опередил всех. Гриша примерно раз в год ездит в Париж к сыну и внукам. Чем может закончиться история, начинающаяся словами «Я зашел в кафе выпить кофе»? Чем-то хорошим? Ни в коем случае. У Гриши она заканчивается настоящей катастрофой, падением с лестницы, переломами и операциями. В 69 лет. Я уверен, что Гриша по-детски, чуть-чуть удивленно преодолет и эту боль, как он преодолевал в жизни другие боли, другие беды. Но я вижу, что Гриша устал. Он чуть реже улыбается, чуть реже шутит.

Все-таки столько лет быть структурным лингвистом в нашей стране не так-то просто.

Чтобы закончить не на печальной ноте, вспомню Стругацких, написавших гимн структуральнейшего лингвиста, то есть, в сущности, Гришин:

*Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!*

*На войне и на дуэли
Получает первый приз -
Символ счастья и веселья -
Структуральнейший лингвист.*

*Воеет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист –
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.*

*Все от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.*

*Есть на всякий, есть на случай,
В «Корабле» специалист –
Ваш великий и могучий
Структуральнейший лингвист.*

Дорогой Гриша, мы вас очень любим и ценим, не меняйтесь!